

22.07.05
Впервые на русском языке «Известия» публикуют афоризмы одного из самых парадоксальных художников XX века Сальвадора Дали — «О себе и обо всем прочем». Короткие высказывания, реплики, касающиеся сиюминутных состояний (вроде восхищения Гретой Гарбо или недовольства американской кухней) и вечных тем любви и смерти, выстраиваются в альтернативную автобиографию испанского живописца. Афоризмы вошли в книгу мемуарной прозы Сальвадора Дали «Сюрреализм — это я», которая выйдет в издательстве «Вагриус» на следующей неделе.

Сюрреализм — это я

Еще в раннем детстве я приобрел порочную привычку считать себя не таким, как все, и вести себя иначе, чем прочие смертные. Как оказалось, это золотая жила!

Сальвадор Дали в три с половиной года хотел стать кухаркой. Заметьте: не поваром, а кухаркой. В семь лет он возжал стать Наполеоном, и презенции его с тех пор начали неуклонно возрастать.

Я высокомерен и многообразно порочен. Я — пособник анархии. Если уж я беру — то всегда перебираю. Все у меня переменичиво, и все неизменно.

Когда книжная натура принимается творить, я говорю ей: «Не надо! Загихни подальше любезные твоему сердцу трухливые фолианты и предтайся более подходящим занятием — мучай, к примеру, копек или мочись в потолок. Творчество — по другой стороне баррикад».

Страдая, я развлекаюсь. Это мой давний обычай.

Вот уже пятьдесят лет я развлекаю человечество.

Трудно привлечь к себе внимание даже ненадолго. А я привлекался этому занятию всякий день и час. У меня был девиз: главное — пусть о Дали говорят. На худой конец — пусть говорят хорошо.

Я совершенно нормален. А ненормален тот, кто не понимает моей живописи, тот, кто не любит Веласкеса, тот, кому неинтересно, который час на моих растягивающихся циферблатах — они ведь показывают точное время.

— Дон Сальвадор, на сцену!
— Дон Сальвадор всегда на сцене!

— Дали сумасшедший? Разве можно утверждать этоничтоже сумнисься? Скажите лучше, что люди по большей части такие, как вы, и не такие, как я. Я не сумасшедший, я — художник.

Великие психологи и те не могли понять, где кончается гениальность и начинается безумие.

Разница между мною и сумасшедшим в том, что я не сумасшедший.

Я — безумец поневоле.

Неправда, что поведение Дали ненормально. Оно — анти-normalno.

На улице Монтириоль в Фигерасе, на доме, где я рожден, висит мемориальная доска, надпись для которой я придумал сам: «Здесь родился, жил, безумствовал и бесился Сальвадор Дали».

Я — испанец, монархист и анархист. Я — убежденный проповедник общества потребления.

И потому выражают мне презрение самым действенным способом: вытрясаю как можно больше денег, дабы распорядиться ими по своему усмотрению. Первый из великих художников, я стал работать на потеху публики. Но пример мне показал Эйштейн. Когда его пригласили на какое-то торжество, гений спросил: «А сколько мне заплатят за то, что пойду?» Вот образец безукирзинной логики.

Сейчас уже ясно, что в России буржуазия цветет махровым цветом — куда там остальной Европе!

Коммунизм неуклонно деградирует. Судите сами: Маркс был необыкновенно волосат, Ленин носил бороду и усы (хотя не столь пышные), Сталин — только усы, а у Хрущева и того не было.

Помилуйте, какое мне дело до пролетариата? Среди моих знакомых нет человека по фамилии Пролетариат.

Бежать впереди Истории гораздо интереснее, чем описывать ее.

Раз я не курю, почему бы не отрастить усы? И для здоровья полезнее. Однако портсигар всегда при мне, и держу я в нем... усы, целую кучу усыков, таких, как у Альдо Менжу. И любезно предлагаю всем подряд: «Не угодно ли усы?» Никто не отваживается взять! Это моя любимая забава с тих самых пор, как я открыл сакральный смысл моих усов. Они — источник моего вдохновения. Кончиком уса, как кисточки, я могу нарисовать муху со всеми лапками и волосками. А рисуя, буду размышлять о философском значении моих усов — ведь к ним уньло и неотвратимо линчат не только муhi, но и всякие другие приметы эпохи.

Когда кончится время «измов», настанет эра личностей. Твое время, Сальвадор.

За абстрактным искусством нужен глаз да глаз. Ибо чем абстрактнее оно будет, тем абстрактнее будет ему цена.

Сначала научись рисовать. Потом можешь становиться кубистом.

Улыбаясь, женщины не сле-
дует складывать зубы. Улыбка должна таить в себе загадку — как у Джоконды. А заодно скрывать недостатки.

Относительно рук. О, величайшее умение всплескивать руками! Без рук крыльев нет женщин.

***

Наблюдая, как кошка вылизывает себе зад, я понял, что такое щадительность и терпение. И еще сильнее (если это только возможно) полюбил женщин.

Я подолгу бываю только в Порт-Лигате. Мне это абсолютно необходимо. С этой землей я накрепко связан пуповиной. Только здесь я ощущаю согласие с ритмом Вселенной. Я и обретаю равновесие, необходимое для живописи. Здесь я становлюсь центром мироздания.

Коко Шанель говорила мне: «Человек-легенда обречен растворять себя в мифе — и тем освятить и укрепить миф». Сама она так и поступила. Выдумала себе все — семью, биографию, дату рождения и даже имя.

У меня есть плотский идеал: Грета Гарбо. Нордический тип. Коротенькая юбочка... А теперь стали носить длинные, до пят, во вкусе этих, прерафаэлитов!

Франция сочла меня элегантнейшим из мужчин. Меня предпочли Пьеру Кардену: Меня, способного явиться на прием без галстука и с оторванной пуговицей. Как-то я одолжил галстук у официанта и весь вечер простоял, скрестив руки на груди, где не хватало двух

в готике скал уже реют ночные кошмары.

Я лажу со всеми, покамест мне не дадут пинка в зад. Бремя выкинуло меня из споррэализма — с тех пор мы с ним, естественно, не ладим.

***

ЮНЕСКО следует разработать программу сохранения кретинов — это вымирающий вид.

Слово «кретин» для меня не уничтожительное. Я употребляю его в наилучшем смысле — ведь стоит человеку влюбиться, как он уподобляется кретину, даже слоны пускает.

Примером тому Данте и некоторые другие гении, которые так обалдили от вечной женственности, что насоздавали целую кучу бес-
смертных шедевров.

Музей — вот цитадель кретинизации. Посетители мечутся, картины висят, таблицы перевешаны, искусство ведет что-то там исследуют, психоаналитики выясняют, когда я был на грани помешательства, а когда за гранью... Обворожительное зрелище!

Луи Арагон — какая карьера и ради какого ничтожного итога!

Мои параноидально-критические способности беспредельны. Я могу создавать множащиеся образы — в иных моих полотнах каждый видит иное. Воображение представляет каждого у него собственный параноидальный лик мира. Паранойя систематизирует реальность и направляет ее, обнаруживая магистральную линию, сопровождающую истину в последней инстанции. Мой растекшиеся часы — это не только фантастический образ мира; в этих текучих сроках заключена высшая формула пространства-времени.

Этот образ родился вдруг, и, полагаю, именно тогда я вырвал у Иррационального одну из его главных тайн, один из его архетипов, ибо мои мягкие часы точнее всякого уравнения определяют жизнь: пространство-время стущается, чтобы, застывая, растечься камбамбром, обремененным пронзить и взрастить шампиньоны духовных порывов — искорки, запускающие мотор мироздания.

Свою книгу «50 секретов магического искусства» я начал так: «Ван Гог отрезал себе ухо. Прочти эту книгу, прежде чем сделать то же самое».

Истинно то, что испробовано на зу.

Еда — пробный камень для любой философии.

Иисус Христос любил сыр и ел много сырья.

Американская кухня чудовищна, и, заметьте, в странах, где национальная кухня ужасна, нет живописи. Ведь поварское искусство склоняется к вершинам. Я занят простирами и привычными вещами — садом, лодкой, своим холстом — и поглощен тем, что делаю. А когда смеркается, мы с Галой, поев сардин, идем на берег, где

вкус. Очень похоже на то, что делает художник. Но в США в поварском деле нет эстетического смысла. Там просто валят в кастрюлю необходимые компоненты.

Я видел фильм, поставленный моим другом Луисом Бунюэлем, — «Млечный путь». Сколько бы он ни богохульствовал, я-то знаю и всегда знал: Бунюэль обязательно одумается и, того гляди, примет сан или схими.

Музей — вот цитадель кретинизации. Посетители мечутся, картины висят, таблицы перевешаны, искусство ведет что-то там исследуют, психоаналитики выясняют, когда я был на грани помешательства, а когда за гранью... Обворожительное зрелище!

Я видел фильм, поставленный моим другом Луисом Бунюэлем, — «Млечный путь». Сколько бы он ни богохульствовал, я-то знаю и всегда знал: Бунюэль обязательно одумается и, того гляди, примет сан или схими.

Бунюэль знать меня не хочет. А я видел его «Гристану», и мне понравилось, особенно шоколад. Однако мне говорили, что Бунюэль изредка по стопу: «Все-таки этот свинт Дали — гений!»

Дали повторяется? И море повторяется, и закат, и рассвет...

Как личность, я куда крупнее своего таланта.

Я никогда не был пацифистом. Я не выношу детей, животных, всеобщее голосование, современное искусство, Эль Греко, теософию. А если кто-нибудь, хоть раскрасавица, понтересуется моим Зодиаком или гороскопом, я прекрасно знакомство. Теперь вы понимаете, с каким скользкой имеете дело? И поняли наконец, сколь незауряден мой ум?

Не зря так падок нынче зрителя на любовные истории. Это зловещий симптом. Предрекаю: в самом скором времени эрос умрет естественной смертью.

На днях я услышал такой диалог:

— Вы гомосексуалист?
— В некотором смысле — да. Что касается умственного уровня, я предпочитаю иметь дело с мужчинами.

Глупый взгляд, столь естественный и, возможно, единственно возможный на красивом лице, — вспомните хотя бы Венеру Милосскую! — не притягивал элегантной женщинине.